

всего, в одном из городов западного побережья Малой Азии. Она вполне могла быть скопирована там в островном мраморе, который значительно чаще употреблялся для копий, чем малоазийский. Статуя, вероятно всего, в готовом виде была привезена в Пантикапей. Такой привоз выдающегося произведения античной скульптуры, по видимому предназначенного для храма на акрополе Пантикапея, вполне понятен, если принять во внимание тесную экономическую и культурную связь городов Боспора с городами западного побережья Малой Азии в I в. нашей эры.

Обратимся теперь к вопросу о круглых углублениях, просверленных буровом на волосах Афродиты. Такие углубления, выполненные буровом на прическах боспорских скульптур I в. н. э., представляют собой довольно частое явление¹. Глубина высверленных углублений свидетельствует о том, что они были предназначены для прикрепления какого-то тяжелого металлического головного убора, который был надет очень низко, непосредственно обрамляя лоб. Так низко мог быть надет также и венок, но для его прикрепления вряд ли потребовалось бы высверлить столько глубоких и частых отверстий. Поэтому вопрос о головном уборе пока остается неясным.

Если предлагаемое нами определение пантикапейской головы 1949 г. как Афродиты правильно, то она является первым монументальным изображением Афродиты, найденным на Боспоре².

Хотя эта голова является только фрагментом скульптурного произведения, она все же представляет собой один из лучших памятников античной скульптуры, найденных в Северном Причерноморье за все годы раскопок. К тому же это памятник, не испорченный реставрацией, как многие упомянутые выше головы классического времени. Несмотря на привнесенные в нее элементы более позднего искусства, керченская голова сохраняет художественный образ, присущий искусству классической Греции во второй половине V в. до н. э.— времени создания фронтовых скульптур Парфенона и лучших работ мастеров круга Фидия.

Н. Лосева

К НАДПИСИ IOSPE, II, 400

В 1859 г. из коллекции А. Сибирского в Эрмитаж поступила мраморная плита с греческой надписью, найденная в Авапе (рис. 1). В 1860 г. ее опубликовал Л. Стефани³. В 1883 г. надпись заново списал с камня В. В. Латышев и издал во II томе IOSPE под № 400.

Текст надписи, изданный Стефани, значительно отличается от текста, изданного Латышевым. Некоторые из этих различий несущественны и относятся к степени сохранности отдельных букв, но при этом следует отметить большую точность их передачи у Стефани⁴. Последняя строка надписи списана обоими издателями в полном соответствии с камнем, однако Стефани не сумел осмыслить обрывки заключительной формулы: ὑπὸ Δία, Γῆν, Ἐνὸν⁵. Значительно более серьезные различия

¹ М. М. К о б ы л и н а, Скульптура Боспора, МИА, вып. 19, стр. 179—180, рис. 5 и 6а.

² Культ Афродиты на Боспоре засвидетельствован многочисленными источниками например: S t r a b o, XI, 2, 10; А. Н. З о г р а ф, Античные монеты, табл. XLII, 12 и табл. XLIX, 10, 12.

³ «Mélanges gréco-romains», II, стр. 200—204, № XXIII. Этот текст переиздал И. В. Помяловский («Сборник греческих и латинских надписей Кавказа», 1881, № 53).

⁴ В строке 7-й последняя буква Т, в строке 9-й третья буква П, в строке 11 в слове χρῶσα — буква Ρ.

⁵ По вопросу о правильности толкования слова πρῶσθη, как иудейской молельни, дебатировавшемуся в научной литературе, напомним, что в IOSPE, I², в комментарии

Рис. 1. Стелла с надписью

в чтении Л. Стефани и В. В. Латышева в строках 4, 5 и 8-й, так как в первых двух случаях они дают совершенно иной смысл текста, а в третьем разные отчества хозяина рабыни. Так, в строке 4-й Стефани видел на камне....ΛΛΙ.Υ и восстанавливал [Μιθρα]δ[ά]το]υ, а Латышев, восстанавливая целиком слово [Πολέμωνος], по этому поводу писал: «На камне имя царя стерто, и в разуре какие-то неясные, легко вырезанные черточки, которые я постарался точно передать типографским шрифтом»: Следующее слово (строки 4—5-я) Стефани читал ΦΙΛΟ|Ι.ΜΛΙΟΥ и дополнял: φιλο|ρω]μαίου, а Латышев — ΦΙΛΟ|ΓΕΡΜΑΚΟΥ (φιλογερμα [νί]κου), в точном соответствии с тем, что и сейчас видно на камне. Поэтому Стефани предлагал чтение строк 3—5-й: βασιλέ[ω]ς [Μιθρα]δ[ά]το]υ φιλο[ρω]μαίου καὶ φιλοπατρίδος, а Латышев: βασιλέ[ω]ς [Πολέμωνος] φιλο[γερμα]νί]κου καὶ φιλοπατρίδος.

Возникающая существенная разница в чтении заставляет относить памятник к двум разным правителям Боспора. Л. Стефани считал, что надпись, датированная 338 г. босп. э. (41 г. н. э.), принадлежит времени Клавдия Митридата, и отмечал, что имя царя совершенно стерто, «но различимые еще следы букв (разрядка моя, — А. В.) достаточно ясно свидетельствуют об этом самом имени». В. В. Латышев, отвергая восстановление Стефани (IOSPE, II, 400, стр. 209), выдвигает следующее предположение: «Надпись была вырезана на камне в 41 г., когда еще царствовал Пелемон II, который от императора Гая Калигулы (называвшегося, как известно, Германником) в 38 г. получил царство (Dio Cass., LIX, 12) и наименовал себя φιλογερμανικός; но вскоре, когда император Клавдий в том же 41 г. передал Боспорское царство Митридату II, . . . имя Пелемона в надписи было стерто, несомненно с той целью, чтобы на его месте вырезать имя Митридата, что однако, неопытному резчику сделать не удалось».

Мы постараемся, прежде всего, разобраться в разногласиях двух издателей надписи, рассмотрев самый камень и состояние спорной части текста. Стефани описания камня не привел, а лакуны в своей копии отметил точками. Латышев указал, что буквы вырезаны небрежно и с левой стороны сильно стерты. При внимательном изучении поверхности плиты нам удалось установить следующее: надпись вырезана по тонким линиям; левая сторона плиты, в особенности у края, стерта так сильно, что не только линии, но и буквы в некоторых местах совершенно исчезли. Поверх этих стертых букв позже нанесена новая резьба, другим инструментом, в виде тонких острых царапин. Резьба эта резко отличается от работы античного мастера и хорошо видна не только на самом камне, но даже на фотографии. Совершенно очевидно, что этой повторной резьбой хотели подновить надпись, прочертив контуры букв как полустертых, так и отчетливо сохранившихся. В тех местах, где первоначально начертанных на камне букв второй резчик разобрать не мог, он наносил свою резьбу наудачу, иной раз даже бессмысленно. Это следует отметить прежде всего в начале строки 4-й, где начертаны бессмысленные знаки, которые В. В. Латышев был склонен объяснять как неудавшуюся попытку высечь имя Митридата. Тщательное исследование поверхности камня показало, что под позднейшей резьбой (эти тонкие царапины неточно переданы В. В. Латышевым при помощи типографского шрифта) отчетливо видны несколько расплывчатые контуры букв ΜΙΟΡΙΔΛΤΟΥ (не [Μιθρα]δ[ά]το]υ, как читал Л. Стефани). Следующее слово ΦΙΛΟ|ΓΕΡΜΑΚΟΥ, прочитанное В. В. Латышевым, и сейчас отчет-

к надписи № 176 Латышев с полной убедительностью показал, что слово προσευχή в данной надписи не означает иудейской молельни. В то же время ряд эпиграфических сведений не дает нам основания считать синкретический культ θεοῦ ὀπίστω τοждественным иудейской религии (ср. Т. Н. Книпович, Танаис, стр. 110 сл. и приводимую ею литературу). Поэтому трудно согласиться с В. Ф. Гайдукевичем (Боспорское царство, стр. 363 сл.), который толкует слово προσευχή как иудейскую молельню на том основании, что θεὸς ὀπίστωс необычен для греческой религии, и в упоминании Зевса, Геи и Гелиоса видит «своеобразный религиозный синкретизм в виде сочетания элементов иудейской и греческой религии».

ливо видно на камне. Оно также подновлено позднейшей резьбой, под которой уловить какие бы то ни было следы первоначально вырезанных букв уже почти невозможно. Разницу в чтении этого слова такими авторитетными эпиграфистами, как Стефани, который видел здесь $\Phi\Lambda\Omega | \Gamma. \text{M}\Lambda\text{I}\text{O}\Upsilon$, и Латышева, особенно при вполне отчетливо читаемом $\Phi\Lambda\Omega | \Gamma\text{E}\text{P}\text{M}\Lambda\text{K}\text{O}\Upsilon$, можно объяснить только тем, что подновление надписи произошло уже после опубликования надписи Стефани, но еще до того, как ее списал Латышев. Остается непонятным только, как мог В. В. Латышев не заметить подновления надписи современным ему резчиком. Этим же подновлением приходится объяснить и расхождение в чтении отчества Пофа в строке 8-й, которое Л. Стефани читал $\Sigma\Gamma | \text{P}\Lambda\text{B}\Omega\text{N}\text{O}\Sigma$, а В. В. Латышев $\Sigma\Gamma | \text{.}\Lambda\text{T}\Omega\text{N}\text{O}\Sigma$. Однако при внимательном изучении камня можно различить в начале строки 8-й букву P и третью от начала букву B, что и подтверждает чтение Стефани.

Чтение остального текста бесспорно и не вызвало разногласий между издателями, несмотря на искажение резчиком XIX в. отдельных букв¹. Что же касается разницы в чтении эпитетов царя, то издание Стефани дает основание считать, что слово $\Phi\Lambda\Omega | \Gamma\text{E}\text{P}\text{M}\Lambda\text{K}\text{O}\Upsilon$ безусловно отсутствовало в первоначальном тексте. Слог NI пропущен в этом слове, вероятно, совсем не по рассеянности резчика, а потому, что все слово не могло полностью поместиться в разуре, следующее же за ним $\kappa\alpha\iota$ было отчетливо видно и его оставалось только прочертить. При попытке восстановить первоначальное начертание эпитетов царя следует учесть, что если эпитет $\phi\iota\lambda\omicron\text{πατρὶς}$ сам по себе необычен для боспорских царей, то $\phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omicron}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma \kappa\alpha\iota \phi\iota\lambda\omicron\text{πατρὶς}$ звучит еще более необычно.

Некоторые данные для выяснения вопроса о первоначальном начертании эпитетов царя в рассматриваемой надписи содержат архивные материалы — переписка между В. В. Латышевым и А. В. Орешниковым с октября 1917 г. по январь 1920 г., содержащая ряд интересных сведений². В письме от 25 октября 1917 г. А. В. Орешников сообщал В. В. Латышеву, что в 1889 г. он посещал имение Сибирских Рыбницы и увидел там мраморную плиту с греческой надписью и еще несколько фрагментов мраморных плит, «если память не изменяет» ему, из Анапы. Текст надписи А. В. Орешников тогда же переписал карандашом на внутренней стороне переплета одной книги и вскоре совершенно забыл об этом. В 1917 г. он увидел у себя случайно эту копию и, сличив ее с надписью IOSPE, II, 400, убедился, что одна и та же надпись явно существовала в двух экземплярах, из которых один в 1859 г. был Сибирским передан в Эрмитаж, а второй еще в 1889 г. хранился в Рыбницах. Вместе с письмом А. В. Орешников послал В. В. Латышеву свою копию, отмечая, что «сохранность плиты была хорошая и имя Мифрадата ясно читалось» (разрядка моя. — А. В.). В письме от 15 ноября того же года А. В. Орешников, указывая на сохранившееся в литературе известие о рыбницкой надписи у Б. В. Кёне³, высказывает недоумение по поводу существования в коллекции Сибирского двух экземпляров одной и той же надписи и выражает желание навести справки в посмертных неопубликованных рукописях Сибирского. Из дальнейшей переписки видно, что попытки В. В. Латышева и А. В. Орешникова отыскать рыбницкую эпиграфическую коллекцию не имели успеха. В. В. Латышев в письме к А. В. Орешникову от 30 ноября [13 декабря н. с.] 1918 г. отвечает: «Что касается надписи кн. Сибирского, то я раньше не думал и теперь не думаю писать о ней особую статью, так как сообщенные Вами сведения не вполне определенны... Я думал и думаю отметить

¹ См. особенно в строке 9-й слово $\text{πρ}\sigma\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta\iota$ и в нескольких местах начертание А.

² Письма А. В. Орешникова к В. В. Латышеву хранятся в архиве ИИМК АН СССР в Ленинграде; письма В. В. Латышева к А. В. Орешникову — в архиве Исторического музея в Москве.

³ Б. Кёне, Описание музея покойного кн. В. В. Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств Понтийско-го и Босфора Киммерийского, т. II, СПб., 1857, стр. 216.

Ваше сообщение о втором экземпляре надписи и разницу ее текста от изданного только во 2-м издании II тома IOSPE»¹.

Копия рыбницкой надписи, присланной В. В. Латышеву А. В. Орешниковым, к сожалению, в архивах не оказалось, однако у А. В. Орешникова сохранилась еще одна копия, написанная чернилами и вклеенная им в его личный экземпляр II тома IOSPE. В настоящее время книга эта вместе с вклеенной копией находится в собственности Н. П. Розановой, которая любезно предоставила нам ее фотографию (рис. 2).

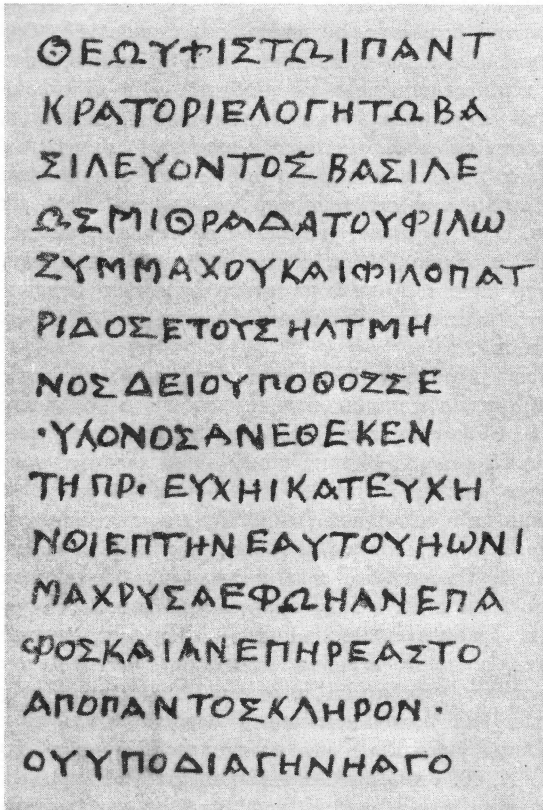

Рис. 2. Копия А. В. Орешникова с рыбницкого текста IOSPE, II, 400

При сличении текста, списанного А. В. Орешниковым, с текстом, изданным В. В. Латышевым, а также и непосредственно с камнем, нужно прежде всего отметить в копии А. В. Орешникова ряд мелких ошибок². Однако, не видя рыбницкого камня или его фотографии, нельзя сказать, следует ли отнести эти ошибки за счет

¹ В оставшихся после смерти В. В. Латышева рукописных материалах подготовившегося к публикации II тома IOSPE, хранящихся в Центральном архиве Академии наук СССР, надпись № 400 отсутствует. Видимо, в результате переписки с А. В. Орешниковым В. В. Латышев извлек соответствующий листок для дополнений и переработки.

² В строке 2-й в слове ΕΥΛΟΓΗΤΩ пропущена буква Υ; в строке 4-й последняя буква вместо Ο—Ω; в строках 10—11-й вместо ΟΝΟ|ΜΑ — ΩΝΙ|ΜΑ; в строке 14-й вместо ΗΛΙΟ — ΗΑΓΟ.

описок А. В. Орешникова, возможность которых он сам признавал, или за счет погрешностей резчика рыбницкого камня. Гораздо существеннее расхождение в чтении эпитета царя: А. В. Орешников списал ΦΙΛΟ|ΣΥΜΜΑΧΟΥ вместо восстанавливаемого Стефани φιλο|ρωμ|μαχίου. Трудно представить, что А. В. Орешников, выдающийся нумизмат, мог бы «по рассеянности» сочинить совершенно необычный эпитет царя. Объяснение этому разночтению эпитета царя нужно искать в трудно объяснимом факте существования двух камней с одинаковым текстом, к тому же находившихся первоначально во владении одного и того же лица.

В эпиграфике Боспора известны случаи, когда один и тот же текст дошел до нас в двух экземплярах, подлинность которых несомненна¹. Однако при сличении списка А. В. Орешникова с камнем, хранящимся в Эрмитаже, можно сделать следующие наблюдения: в рыбницкой надписи разбивка слов по строкам не только полностью совпадает, до отдельных букв включительно, но и повторяет лакуны, образовавшиеся в эрмитажном экземпляре вследствие повреждения текста². Эти наблюдения позволяют предположить, что рыбницкий экземпляр надписи был изготовлен значительно позже изготовления первоначального (эрмитажного) экземпляра этого документа и, следовательно, является не вторым экземпляром, а копией. святой, механически и с ошибками, с уже дефектной надписи. В таком случае рыбницкий экземпляр является одной из эпиграфических подделок, встречавшихся иногда в XIX в. Это обстоятельство и могло удержать А. Сибирского от передачи второго камня Эрмитажу.

Неясным остается вопрос, какой экземпляр надписи имел в виду Кёне, так как, когда он писал свой труд, оба камня находились еще в коллекции А. Сибирского³. Судя по тому, что Б. Кёне называет Пофа сыном Силаниона, можно думать, что он имел в виду рыбницкий камень. Однако этому противоречит приводимое Кёне чтение эпитета как «друг римлян», а имени царя — как Митридат, совпадающее с восстановлением Стефани на эрмитажном камне. Кроме того, приводимый А. В. Орешниковым эпитет φιλοσύμμαχος, который не мог, как нам кажется, возникнуть из-за невнимательности А. В. Орешникова при копировании рыбницкой надписи, также указывает на то, что Кёне имел в виду эрмитажный камень.

Все эти, хотя и фрагментарные, данные — следы полустертых букв, составляющих имя Митридата, видимые и сейчас на камне, и чтения этого же слова у Стефани и Кёне — позволяют утверждать, что имя Полемона, которое пытался восстановить В. В. Латышев, на подлинном камне вырезано быть не могло. Кроме того, нумизматические данные указывают, что правление Митридата на Боспоре началось с 39/40 г. н. э. Уже Х. Х. Гиль, опубликовавший статер Митридата от 336 г. босп. э. (39/40 г. н. э.), отметил, что начало правления Митридата относится не к правлению Клавдия, а к правлению Калигулы⁴. Статеры с той же датой — 336 г. босп. э. — были опубликованы Бертье-Делагардом⁵ и исследованы затем А. В. Орешниковым и А. Н. Зографом⁶. Оба исследователя отмечают, что боспорские монеты указывают

¹ Например, IOSPE, II, 431 и 431 bis.

² Ср. строку 1-ю, где нехватает последнего о, 12-ю—отбита Σ, 13-ю—отбито ΟΜ, 14-ю—нехватает Ν.

³ Б. Кёне, Описание..., стр. 216. Он пишет, что камень был посвящен «...Зевсу Пофом, сыном Силаниона, во времена царя Митридата, друга римлян и любящего отечество...».

⁴ Х. Х. Гиль, Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892—1893 гг., СПб., 1895, стр. 11—12, табл. XX, № 62; он же, Новые приобретения моего собрания, СПб., 1891, стр. 13, табл. VI, № 67.

⁵ А. Л. Бертье-Делагард, О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами, ЗОО, XXIX, стр. 229, № 70 и 71.

⁶ А. В. Орешников, К нумизматике преемников Аспурга, ИРАИМК, I, 1920, стр. 1—8; А. Н. Зограф, Античные монеты, стр. 197.

на непрерывную преемственность правления на Боспоре: 334 год босп. э. отмечен еще монетой Аспурга, и в том же году появляются монеты его жены Гипепирии, продолжавшей чекан и в 335 г. босп. э., а в 336 г. появляются уже статеры их сына Митридата.

Таким образом, показания монет как будто бы расходятся с указанием Диона Кассия (LIX, 12, 2), что в 39 г. Калигула «подарил» (ἐχαρίσατο) Полемону, сыну Полемона, царство его отца, и что (LX, 8, 2) в 41 г. Клавдий подарил Митридату Боспор, а Полемону взамен его дал область в Киликии. Несомненно, нумизматические данные отражают действительные события: отсутствие на Боспоре чекана Полемона II показывает, что хотя он получил от Калигулы право на Боспорское царство, но не смог править, так как Митридат, считавший себя законным наследником престола, не захотел примириться с произволом Калигулы и объявил себя царем Боспора еще при жизни матери¹.

Выяснив, что в строке 4-й исследуемой надписи несомненно было написано имя Митридата, обратимся к рассмотрению следующего слова, прочтенного Стефани как φίλο[ρῶ]μαίου. Известно, что и до Митридата III боспорские правители получали этот титул, отражавший их дружественные отношения с Римом. Титул φίλορῶμαιος, отвечающий латинскому *amicus populi Romani*, давался сенатом иноземным правителям, вместе с консульскими инсигниями, с чем было связано признание права на ношение царского титула данным правителем². Например, Тацит сообщает (Ann., IV, 26), что для Птолемея, сына Юбы II, за оказанные им услуги римлянам в войне против Такфарината была «возобновлена старинная почесть»: к нему был послан один из сенаторов, чтобы вручить ему жезл из слоновой кости, разукрашенную тогу, «древние дары сената, и наименовать его царем, союзником и другом». В другом месте (Ann., XIII, 7) Тацит пишет, что Нерон передал Софену Согему со знаками царского достоинства (*cum insigniis regiiis*; ср. Dessau, ILS, III, 89, 58: *regi magno C. Julio Sohaemo... philocaesari et philor[h]omeo, honorat[or]n[on] consularibus*). Следовательно, присвоение иноземным правителям почетного эпитета φίλορῶμαιος, так же как φίλόκαισαρ, покоилось на определенных юридических основаниях и в принципе должно было означать принятие их во всадническое сословие, хотя на самом деле они получали лишь чисто внешние почести (τείμαι).

Что касается боспорских правителей, то Фарнак был первым из них, который получил это наименование «друга и союзника» римлян. Помпей назвал его так за неопенимую для римлян услугу в деле сокрушения Митридата и предоставил ему царствование над европейской частью Боспора (φίλον καὶ σύμμαχον Ῥωμαίοις ἐποίησατο καὶ βασιλεύειν ἔδωκεν αὐτῷ Βοσπόρου ἕως Φαναγορέων. App., Mithr., 113). Однако эпитет φίλορῶμαιος, как показывают сохранившиеся надписи Фарнака, в его титулатуру включен не был³ — вероятно, потому, что для внесения этого звания в официальную титулатуру нужно было, чтобы сенат утвердил акт Помпея и дал Фарнаку инсигнии. Асандр, после утверждения его на престоле Августом, первым из правителей Боспора включил в свою титулатуру эпитет φίλορῶμαιος (IOSPE, II, 25). После смерти Асандра в 17 г. н. э. Динамия, став единоличной правительницей Боспора, попыталась оживить традиции своего деда Митридата Евпатора и превратить Боспор в независимое эллинистическое царство; очевидно, такая политика соответствовала интересам значительной части боспорской знати и находила поддержку среди племен азиатского Боспора. Эта тенденция Динамии нашла отражение в типах

¹ Ср. В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 326.

² В. В. Латышев, Краткая история Боспорского царства, ИТУАК, вып. 17, стр. 49; ср. Münsterberg, JÖAI, XVIII, 1915, стр. 318—320.

³ В надписи IOSPE, IV, 200, Фарнак носит усвоенный им из восточной традиции титул «царя царей» (βασιλεὺς βασιλέων). В недавно найденной надписи (В. Д. Блаватский, Новые данные о строительстве Пантикапея, СА, XVII, стр. 176) к этому титулу прибавлен еще эпитет μέγας.

статеров с ее портретом и эмблемой Ахеменидов, подписанных ее полным именем¹, а также в типах медных монет с посмертной монограммой Митридата Евпатора. Среди последних выделяется тип самого крупного номинала с изображением Гелиоса, наделенного портретным сходством с Митридатом Евпатором². Стремясь к самостоятельности Боспора, Динамия вела борьбу и со ставленником Рима на боспорский престол Полемоном (14—9/8 гг. до н. э.), погибшим в борьбе с поддерживавшими царя племенами азиатской части Боспора (Str., XI, 2, 11). Эти племена служили опорой еще Митридату Евпатору, а позднее — Фарнаку (Str., XI, 5, 8). Однако после смерти Полемона Динамия изменила политику и вступила в соглашение с Августом. Именно тогда, утвержденная Августом на престоле, Динамия получила официальный эпитет *φιλώρμαιος*³; также титуловался и продолжавший проримскую политику Аспург⁴.

Таким образом, со времени второго единоличного правления Динамии установилась зависимость Боспора от Рима, заключавшаяся в признании боспорскими правителями верховного авторитета Рима и в том, что, получая всякий раз утверждение на право занятия престола, они, по выражению Страбона, — «назначались римлянами» (Str., VII, 4,7). Внешним признаком получения ими этого утверждения был титул *φιλώρμαιος*. С этой традицией порвал Митридат III, который после смерти Аспурга захватил царскую власть не только без разрешения римлян, но прямо вопреки воле Калигулы. Митридат занял совершенно независимую и явно демонстративную по отношению к Риму позицию. Хотя его статоры выпуска 336 г. и 338 г. и носят по-прежнему на лицевой стороне портрет императора, тем не менее на оборотной стороне он помещает свое имя полностью и фигуру идущей Ники⁵. На медных монетах он также помещает свое имя полностью, а на оборотной стороне изображает атрибуты Геракла, считавшегося предком боспорского царствующего дома. Еще более интересны медные монеты другой серии, где вместо полного имени царя помещены лишь буквы ВАМ, на лицевой стороне изображен Гелиос, которому придано портретное сходство с Митридатом, а на оборотной стороне — звезда и полумесяц — символ династии Ахеменидов⁶. А. Н. Зограф отмечает, что эти монеты Митридата в точности повторяют упомянутый тип крупнейшего номинала одной из серий медных монет Динамии с посмертной монограммой Евпатора ВАЕ. Относительно этих монет Митридата А. Н. Зограф, исходя из того, что черты лица царя, изображенного на них в виде Гелиоса, более юны, чем на монетах с полным его именем, считает возможным предположить, что монеты с монограммой ВАМ выпускались ранее монет с полным именем. Но возможно и другое предположение: монограмма ВАМ вместо полного имени может являться или следствием официального признания Митридата царем Боспора со стороны императора Клавдия, или, скорее, служит прямым подражанием упомянутым монетам с монограммой Евпатора, а более юный облик Митридата в короне из лучей, может быть, следует отнести за счет идеализации, естественной при изображении царя в виде божества.

¹ А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 191, табл. XLIV, № 14; В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 315.

² А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 194—196, табл. XLIV, № 20. Отсутствие на статорах Динамии монограммы Евпатора А. Н. Зограф объясняет одиозностью ее для римлян, так как она явно служила целям антиримской пропаганды и потому была невозможна на золотых монетах, имевших хождение и за пределами Боспора.

³ Проримская политика Динамии ярко иллюстрируется надписями (IOSPE, II, 354; IV, 201 и 420).

⁴ IOSPE, II, 36 и 364; В. Д. Блаватский, Раскопки Пантикапея (1948 г.), КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 26.

⁵ А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 192, табл. XLVI, № 5; ср. А. А. Бертье-Делагард, О монетах..., стр. 160; В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 326.

⁶ А. Н. Зограф, ук. соч., табл. XLVI, № 4.

Интересно отметить при этом, что у правителей соседних областей еще во II — I вв. до н. э. и позже существовала усвоенная ими из эллинистического искусства традиция изображать себя в лучистой короне, отражающая распространение здесь культа солнечного божества¹. В качестве примеров таких изображений можно привести монеты царя ΣΑΥΔ...², монеты Аристарха, назначенного Помпеем после разгрома Митридата Евпатора правителем Колхиды³, изображение мужской головы — повидимому, правителя какого-то из народов, населявших Таманский полуостров (синдов или дандариев?), вырезанное на щитке бронзового перстня I в. до н. э. из Фанагории⁴ и резной горный хрусталь в собрании Государственного Эрмитажа, найденный в Лечхуме⁵. Следует отметить, что сам Митридат Евпатор себя на своих монетах в виде Гелиоса, насколько известно, не изображал; повидимому, Динамия, выпускавшая эти монеты, руководствовалась в данном случае местной традицией. Все эти примеры говорят, повидимому, о том, что Митридат III, опираясь на союз с вождями племен северо-западного Кавказа⁶ и низовьев Дона, считал нужным подчеркнуть свою тесную идеологическую связь с соседями азиатских владений Боспора и с их этнической культурой и, так же как Динамия, отразил это в своем чекане, изобразив себя по образу своего предка Евпатора на монетах в виде солнечного божества.

Даже на сатрахах выпуска 338 г., когда Митридат получил уже признание Клавдия, нет обычных признаков лояльности в отношении Рима, так как имя Митридата и на этих монетах писалось полностью. Видимо, Митридат или намеренно игнорировал в своем царстве утверждение на престоле императором Клавдием, или бросил новый вызов Риму, не пожелав отразить это в своем чекане. Такая политика вполне соответствует дальнейшим замыслам Митридата, направленным на прямой разрыв с Римом, возрождение политики Митридата Евпатора на Боспоре, союз с местными племенами и подготовку войны с Римом. Об этом сообщает приведенный А. В. Орешниковым отрывок Петра Патрикия (FHG, IV, стр. 185, fr. 3)⁷.

Не удивительно поэтому, что и титулатура Митридата в разбираемой надписи, которая является единственной дошедшей от его правления, отступает от установившейся ранее титулатуры его предшественников. Учитывая изложенное, трудно себе представить, чтобы в пределах своего царства Митридат III именовался *φιλορῶμαιος*,

¹ Ср. драхму Горгиипии 200—124 гг. до н. э. (А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 182, табл. XLII, № 14 и *Minns, Sc. et Gr.*, табл. IX, 22), свидетельствующую о значении культа с солнечного божества у местных народов.

² Не касаясь принадлежности этих монет скифу Савмаку или колхидскому правителю Савлаку, отсылаем читателя к работам: С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, стр. 107 слл., прим. 4; В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 304; А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 185; Д. Г. Капанадзе, Грузинская нумизматика, Тбилиси, 1950, стр. 3С—31 (на грузинском яз.); К. Голенко, ВДИ, 1951, № 4, стр. 199—203 и Д. Г. Капанадзе, там же, стр. 203—204, где приведена литература вопроса.

³ О. Ф. Ретовский, Труды Московского нумизматического общества, т. III, вып. 1, 1903, стр. 1—5, рисунок на стр. 2; Д. Г. Капанадзе, Груз. нумизм., стр. 31—32.

⁴ Найден при раскопках Фанагории М. М. Кобылиной в 1950 г.

⁵ Издавший его Е. А. Придик (МАР, 34, стр. 110, табл. I, рис. 1) видит в нем идеализированный облик Александра Македонского и относит работу к середине I в. н. э.; ср. Ш. Я. Амиранашвили, Грузинское искусство, 1949, стр. 81, табл. XXV.

⁶ О связях Митридата с племенем эпагерритов, живших в тылу Птиунта, см. *Plin.*, NH, VI, 16—17.

⁷ А. В. Орешников, К нумизматике преемников Аспурга, стр. 5. Что речь здесь идет о Митридате III, царе Боспора, а не Иберии, см. Т. Момзен, История Рима, т. V, М., 1949, стр. 334, прим. 2.

и потому предложенное Л. Стефани дополнение строк 4—5-й φιλο[ρω]μαίου следует считать очень мало вероятным. Кроме того, совершенно бесспорное чтение в строке 5-й (как в эрмитажном экземпляре, так и в копии рыбацкой надписи) эпитета φιλόπατρις говорит не в пользу дополнения φιλο[ρω]μαίου. А. Гутшмидт считает, что эпитет φιλόπατρις представляет далеко не случайный контраст с почетным эпитетом φιλορῶμαιος, и приводит пример Архелая Каппадокийского, предшественника которого, Ариобарзан I и Ариобарзан III, носили эпитеты «друга римлян» благодаря своей проримской политике. Сам Архелай проявил в своей политике достаточно самостоятельности, чем заслужил у себя на родине эпитеты φιλόπατρις и χριστός. Его поведение в отношении Рима, хотя и вполне лойяльное, все же навлекло подозрение Тиберия, и Каппадокия была лишена самостоятельности и превращена в римскую провинцию¹. В отношении к Митридату III на Боспоре ясно, что эпитет φιλόπατρις, присвоенный им в своей стране и явно предпочтенный им даруемому римлянами эпитету φιλορῶμαιος, совершенно исключает возможность и другого эпитета φιλογερμανικός, неудачно начертанного позднейшим резчиком на эрмитажной плите. Поэтому гораздо уместнее допустить, что на эрмитажном камне первоначально было действительно вырезано не φιλο[γερμα]νίχου, а φιλο[συμμά]χου, как указывает нам копия рыбацкой надписи. Все буквы этого слова прекрасно умещаются на камне, да и по смыслу, в данном контексте, этот эпитет не только не противоречит эпитету φιλόπατρις, но прекрасно его дополняет, отражая вполне независимую внутреннюю и внешнюю политику Митридата и его ориентацию на союзнические отношения с вождями соседних племен в предстоявшей вскоре войне с Римом. Таким образом, Митридат III, как видно, не имел никаких оснований, да и не считал нужным именоваться φιλόκαισαρ καὶ φιλορῶμαιος, а сам себя назвал φιλόπατρις καὶ φιλοσύμμαχος.

Политика Митридата вызвала беспокойство римлян, приложивших все усилия, чтобы заменить его на боспорском престоле Котисом. Если в свое время предавший отца Фарнак был объявлен Помпеем «другом и союзником римлян», то Котис был почтен не только наименованием φιλόκαισαρ καὶ φιλορῶμαιος²; для него «была возобновлена старинная почесть». Ему, как союзному царю, были дарованы соответствующие инсигнии: курульное кресло, венец, скипетр и торжественная паноплия. Это и были те внешние почести, полученные Котисом, которыми он и его потомки гордились и которые изображались на монетах с надписью: τετραὶ βασιλείας Κότιος τοῦ Ἀσπυργού. Но это еще не все: Котис первый из царей Боспора в документах ставит при своем имени римский династический прагепотен «Тиберий Юлий» и первый включает в свою титулатуру почетное звание «пожизненного верховного жреца Августов» (IOSPE, II. 32). Все это еще раз свидетельствует о большом значении, которое имел в то время Боспор в политической и экономической жизни Восточного Средиземноморья и которое придавали римляне своим взаимоотношениям с этим государством и его правителями.

А. И. Болтунова

¹ А. Gutschmid, Kl. Schr., IV, 1893, стр. 116.

² В ольвийской надписи IOSPE, I², 38 Котис, сын Аспурга, именуется φιλόκαισαρ καὶ φιλόπατρις. Имя Котиса в 3-й строке и эпитет φιλόκαισαρ в 4-й строке дополнены В. В. Латышевым. Однако дополнения эти кажутся нам сомнительными не только в силу изложенных здесь соображений о противоречивости такого состава титулатуры царя, но и потому, что восстановление имени Котиса слишком кратко для равномерного заполнения места в строках, если придерживаться общего смысла дополнения В. В. Латышева. Впрочем недоступность для меня в данный момент оригинала памятника делает очень затруднительной возможность окончательного суждения о восстановлении надписи.